

Наталья Твердохлеб

ШКАТУЛКА

Аквамариновые глаза

2006 год. Рахель

Рахель торопилась. Еще несколько шагов, и она спустится в бомбоубежище. Вдруг стало тихо. «Почему замолчала сирена. Отбой?», — успела подумать Рахель, почувствовала сильный удар и потеряла сознание. Она очнулась за цветной занавеской. Болела голова, пахло лекарствами, ей что-то говорила девушка в голубом костюме. «Медсестра, — поняла Рахель, — что здесь делает медсестра?» Она хотела сказать девушке, что не слышит ее, но слова останавливались где-то в гортани. Рахель повернула голову и увидела Натана. По лицу мужа текли слезы.

Она вернулась домой через неделю. «У нас еще будут дети, доктор говорил, что обязательно будут», — повторял Натан. Рахель молчала, не плакала, она молчала еще много дней, пока Натан не сказал ей: «Я снова иду в армию. Начался призыв резервистов».

— Да, — ответила Рахель.

2008 год. Рахель и Натан

Неожиданно позвонила знакомая из Хайфы, с которой я давно не общалась. Спросила дежурное: «Как дела?» Рассказала немного о своей жизни и быстро перешла к цели своего звонка.

— Очень прошу тебя, встретить, пожалуйста, в аэропорту моих друзей. Замечательные ребята. Они раньше никогда не были в Украине, и никого у них в Киеве нет. Проводишь их потом в Центр по усыновлению?

— Встречу, конечно. Если бы я еще знала, где у нас этот Центр.

— Посмотри в интернете, и у ребят есть адрес. Их зовут Натан и Рахель. Натан говорит по-русски, а Рахель — нет.

— Хорошо, диктуй номер рейса.

Рахель оказалась красавицей, нет, не просто симпатичной и милой, а настоящей царицей — наверное, такой была прекрасная ее тетка, наша прамактерь. От лица Рахели невозможно было взгляд отвести. Хотелось смотреть и смотреть на нее. Прямые длинные волосы черным шелком падали ей на спину, глаза зеленовато-голубые — аквамапиновые; нежно-белый, без румянца, тон

лица подчеркивал цвет грустных глаз-самоцветов. Высокая, тоненькая, в джинсах и туфельках-балетках, она показалась мне совсем юной. Мужа своего, тоже красивого, рыжеволосого, загорелого, Рахель держала за руку, как ребенок. Я их узнала сразу — так выделялась эта пара на фоне разношерстной толпы людей, торопившихся к выходу из аэропорта. Подошла к ребятам, мы поздоровались.

— Вы извините за беспокойство. Сами бы добрались, но друзья подняли всех знакомых на ноги. Вот и вам пришлось приехать. Спасибо, — сказал Натан.

— Ваши друзья все правильно сделала. И не за что меня благодарить.

Натан перевел Рахели мои слова. Глаза ее заиграли сине-зелеными оттенками. Я вновь залюбовалась ее лицом.

2012 год. Шломо

Самолет из Израиля прилетел рано утром. В Центр по усыновлению Рахели и Натану нужно было прибыть во второй половине дня, а вечером они должны вместе с представителем Центра уехать в маленький городок на границе Украины и России.

— У нас еще много времени, потому есть два

варианта: проедем по городу, и вы посмотрите Киев, или сразу ко мне — отдохнете с дороги, потом отвезу вас, куда нужно, — предложила я гостям.

Натан наклонился к жене, что-то спросил у нее.

— Лучше к вам, у нас важное дело, пока ни о чем другом не можем думать.

Мы пили чай и беседовали — вернее, говорил со мной Натан, иногда оборачиваясь к Рахели, чтобы что-то перевести и поймать одобрительный лучик ее взгляда. Натан рассказывал, как ребенком уехал с родителями в Израиль из Белоруссии, как служил в армии, как встретил будущую жену. «Странно, — думала я, — только познакомились, а такое чувство, будто давно их знаю». Я не задавала вопрос о том, что понадобилось им в маленьком украинском городке. Натан заговорил об этом сам.

— В 2006 году, когда война с Ливаном была, Рахель беременную ранило — ракета рядом разорвалась. Ребенка нашего спасти не удалось. А теперь мы приехали за малышом, мальчика заберем из Детского дома.

— Но вы такие молодые, у вас еще будут дети.

— Вряд ли, Рахель болела сильно после

ранения, до сих пор врачи ничего определенного не говорят. А этот малыш... мы уже его любим.

— А Рахель не против, что вы мне все рассказали?

Натан посмотрел на жену. Рахель молчала, только глаза меняли цвет, как драгоценный камень, подаривший им свои краски. Она улыбнулась, достала из сумочки несколько фотографий и разложила на столе. Я рассматривала снимки, хвалила малыша, просила Натана перевести мои слова. Похоже, все, что я говорила, радовало ребят. Они переглянулись, а потом снова взялись за руки. Мальчику на фотографии было годика три. Светло-русый «ежик», нос кнопочкой. Вот только глаза, как у будущей мамы, сине-зеленые, в пол-лица. «Мы дадим сыну второе имя Шломо, как у нашего мудрейшего царя, — сказал Натан. — Рахель вышила ему кипу для праздников. Я Вам сейчас покажу».

Кипа была настоящим произведением искусства — на белом шелке вышиты золотыми нитками оливковые ветви с плодами из небольших черных жемчужин.

— Ваш ребенок будет проходить гиюр?

Да, мы сделаем все возможное. Но все же думаем, когда ему исполнится тринадцать, пусть

сам решит, хочет ли он быть евреем.

Я вышла из комнаты, чтобы принести десерт, а когда вернулась, увидела, что Рахель кладет на колени детские вещи: свитер, шапочку, шарфик. Она гладила рукой мягкую шерсть, складывала, раскладывала и вновь рассматривала одежду, приготовленную для малыша. Из чемодана Рахель достала игрушечного жирафа — смешного, с длинной, как и положено, шеей, только какой-то необычной, нежирафьей расцветки. Ноги его можно было согнуть, голову наклонить, как угодно. Мне жираф очень понравился, и я тут же начала сочинять о нем сказку. Предложила Рахели немного отдохнуть, принесла для нее плед и подушку. Через минуту Рахель крепко спала, обняв игрушку.

Я верю в чудеса

Мужчина, встретивший нас в Центре по усыновлению и представившийся Сергеем, сразу заговорил с гостями на иврите. На мой удивленный взгляд ответил коротко: «Это работа». Сергей дал Натану и Рахели подписать какие-то бумаги, потом вытащил из сейфа и переложил в портфель толстую папку. Обратился ко мне: «Все документы в порядке, билеты у меня, через час отправляемся на вокзал. Можем уже вас отпустить».

— Нет, я провожу ребят.

По дороге на вокзал Сергей, показавшийся мне вначале немногословным, вдруг разговорился. Многое я узнала в тот вечер. Незнакомый мир для меня открылся. Кому только Сергей ни помогал с усыновлением. Рассказал о девочке-цыганке, которую пожилые поляки удочерили. Она им танцы с бубном по ночам устраивала. Не высыпались, с ног валились от усталости. Но ничего, привыкли. Сами теперь поют и танцуют, а девочка звездой эстрады, наверное, станет — такие у нее успехи. «Вот и украинский малыш полетит скоро в Израиль, жить будет у самого Средиземного моря», — добавила я. Сергей ничего не ответил, но взгляд его мне не понравился.

Мы прощались на вокзале. Сергей проводил ребят в купе, а сам вышел на перрон — оставалось еще время до отхода поезда. «Пожалуйста, — попросила я, — передайте Рахели, что я обязательно напишу сказку о белом жирафе и пришлю ее малышу». Сергей молчал.

— Что-то не так? Я не то сказала?

Он ответил не сразу, каким-то другим, изменившимся голосом.

— Ребенок болен — острый лейкоз, форма тяжелая, надежды мало.

У меня перед глазами возникла картинка:

белый жираф плакал большими белыми слезами.

— Они знают?

— Да. Сказали, что не отступятся, что им нужен только этот мальчик. Они его выбрали, полюбили, будут лечить.

— Но, может быть, есть хоть какой-то шанс? Сколько же им горя можно переносить?

— Вы верите в чудеса? Я — нет. Они месяц должны жить поблизости, навещать ребенка каждый день, чтобы он привык. Такие правила. Дай Б-г, чтобы улетели втроем. Мальчик в больнице. Прощайте. Возьмите визитку. Звоните, если хотите.

Рахель и Натан махали мне из окошка, улыбались. Не знаю, что со мной случилось. Но в этот момент я превратилась в Рахель, я вошла в ее кожу, по моим сосудам потекла ее кровь. Я стала ее болью. У меня вдруг почти исчезло зрение, пропали цвета, все вокруг окрасилось в серо-черный. «Господи, — просила я, — ты же всемогущий и милосердный. Только ты можешь совершить чудо. Сделай что-нибудь для этих людей, сохрани для них сына, дай им шанс вылечить мальчика».

«Я верю в чудеса!» — крикнула выглянувшему из окна Сергею, но поезд уже набирал скорость. Почувствовала боль. Разжала ладонь. Визитка, кусочек пластика, порезала мне

руку. Номер остался в памяти. Не думала, что когда-нибудь его наберу.

2018 год. Фильм о любви

Позвонила Сергею через несколько лет — его помощь нужна была близким друзьям. «Только по делу, только по делу, не спрошу о Шломо, только по делу», — убеждала себя дорогой. Встретились как старые знакомые. Сергей проконсультировал друзей, и мы уже собирались прощаться.

— Вы не хотите задержаться немного?

— Да, конечно.

— Садитесь удобнее, будем кино смотреть.

Сергей развернул ко мне монитор. Лужайка, яркая зелень, столы накрыты, музыка, детские голоса. Дети, много детей рассаживается за столами. В центр выходят трое — стройная темноволосая женщина, высокий мужчина и мальчик лет десяти. У мальчика на голове белая кипа с вышитыми золотом оливковыми ветками. Женщина что-то говорит на иврите, обращаясь к детям. Рахель? Поворачиваюсь к Сергею. Он улыбается.

— А мальчик?

— Смотрите дальше.

Тоненькая мальчишеская фигурка, русский

«ежик». Выздоровел?! Шломо!

Фильм продолжается. Рахель заканчивает речь. Шломо куда-то убегает. Возвращается, держа за руку девочку. Аплодисменты. Дети разворачивают плакат. На нем нарисованы смешные веселые рожицы и яркая цифра «3», вверх летят разноцветные шары. Девочка смеется. У нее длинные черные волосы, красивое личико с белой кожей. Камера берет крупный план. На экране большие аквамариновые глаза.

Белая шубка

Конверт был белый, длинный, с черным безликим штемпелем и непонятным обратным адресом. Элина пожала плечами и начала вспоминать, не нарушила ли она правила на дороге, не обидела ли смертельно кого-то из соседей, не натворила ли еще чего-нибудь. Не вспомнив ничего стоящего, решила все-таки не гадать и вскрыть конверт, будучи уверенной заранее, что его содержимое не может иметь к ней никакого отношения.

Элина читала и перечитывала короткий текст, напечатанный на официальном бланке. В висках стучало, она сжала кулачки так, что ее длинные, покрытые ярким лаком ногти больно впились в

ладони. Элина посмотрела на часы и подумала, что мама, наверное, уже спит. «Разбужу, сейчас или никогда», — девушка постучала в комнату матери. Ида не спала.

— Мама, много лет мы просто молчим вдвоем по вечерам. Может быть, пришло время поговорить, — Элина положила перед Идой письмо.

— Наверное, пришло. Хорошо, я расскажу тебе, все расскажу. Но и ты не молчи. Я хочу... я должна понять.

Элина кивнула.

Ида

Я приехала по распределению в незнакомый город. Вещей почти не было: небольшой чемоданчик и учебники. Книги лежали просто в сетке — в авоське. Я крутила головой по сторонам — кто-то должен был встречать из НИИ, куда меня направили на работу. Не видела, как он подошел, как будто из-под земли передо мной вырос. Посмотрел сначала на меня, потом на авоську. Молча, взял чемодан, забрал сетку с учебниками и согнул руку в локте, предложив мне таким образом взять его под руку. Сейчас уже не помню, в какой момент я пропала — когда первый раз посмотрела на его лицо, запрокинув голову, потому что и до

плеча ему не доставала, или когда он, наконец, заговорил. Он что-то меня спрашивал, рассказывал о работе, об институте. Не помню уже, что я отвечала, помню только, что хотела, чтобы дорога эта никогда не заканчивалась, чтобы он просто был рядом. Я знаю, ты упрекаешь меня за то, что я несколько раз выходила замуж. Ты думаешь, что я уделяла тебе мало внимания. Что ты знаешь, моя девочка? Я всегда любила только его — твоего отца. Так сложилось, так получилось. Попробуй понять.

Это ведь не роман был — водоворот, омут, бездна. Мне было все равно, о чем шептались за нашими спинами, я никогда не спрашивала, женат ли он, есть у него семья. Я вообще его ни о чем не спрашивала. Мне было безразлично все, что не было им, — его руками, его глазами, его голосом, его запахом. Однажды, идя по коридору, услышала вслед: «Надо же, какая преданность своей нации, — даже в любовницах еврейка». Я только улыбнулась: не знала о его национальности, не интересовалась. Звали его Аркадий, а фамилия у него была Островский, как у писателя. Впрочем, все это не имело никакого значения: был рядом он — мир существовал; не было его рядом — мир рушился.

Потом мне сообщили, что вернулась его жена Циля с дочкой Адочкой. Они гостили все лето у родителей Циля. Может, кому-то это странным

покажется, но мы подружились. Циля была мудрой и очень доброй женщиной. Она мне рассказала, что никогда не любила Аркадия, вышла замуж за него, потому что он был перспективной партией. Никакой любви между ними не было, отношения у них были свободными, но семью она сохраняла ради Адочки. Циля знала о моих чувствах к Аркадию, но мы все равно дружили. Она навещала меня в клинике, когда я тяжело заболела. Ухаживала, за мной как за ребенком, бульоны носила, фрукты. Она часто уезжала с Адочкой к своей маме, а Аркадия оставляла под моим «присмотром». Вот «присмотр» моей беременностью и закончился. Тогда мне Циля и сказала: «Рожай». Сама она уже рожать не могла, у нее какое-то серьезное заболевание было.

Мудрая Циля решила, что у ребенка обязательно должен быть отец. В отцы тебе она выбрала нашего сотрудника Акулова, который долго за мной ухаживал. Никто его не обманывал, он знал про будущее твое появление на свет. Он на все был согласен — признать ребенка, дать ему свою фамилию. Когда ты родилась, он очень трогательно о тебе заботился, баюкал, с колясочкой гулял с гордостью. Я понять не могла, почему ты всегда капризничала, когда он был рядом, а когда подросла немного, не разговаривала с ним, уходила

в другую комнату, плакала. Он же к тебе со всей душой. Не знаю, откуда в тебе эта неприязнь. Не могла я так долго выдержать, жизнь семейная превращалась в ад. Твои вечные слезы и молчание, его обиды и непонимание. Вот потому я и ушла от него. Да, были потом у меня другие мужья. Ни с кем жизнь не сложилась. Ты, конечно, для этого тоже постаралась. Но ты-то молодая еще, а я так и останусь одинокой.

Да и Аркадий... Что говорить? Он с Цилей и Адочкой вскоре после твоего рождения в Израиль уехал. Тебе десять лет было, когда мы к ним в гости приезжали. Он же со мной почти не разговаривал. Только тебя и видел, гулял с тобой целый день, подарков тебе накупил, как будто меня и не было вовсе. Куда его любовь подевалась? Знаешь, что он мне предложил тогда? Сказал: «Ты уезжай, а Элиночка пусть остается с нами. Не могу я с ней расстаться». Представляешь, и Циля не возражала. Ты не помнишь уже, наверное, я тебя тогда еле увезла. Ты и в самолете все время плакала, пока долетели, и дома. Я же тебе всю жизнь свою посвятила. А замужества мои неудачные — так это, чтобы тебе легче жилось, чтобы семья, как у всех. Нет, ты не понимаешь. Молчишь? Не молчи, прошу тебя. Элина?

Элина

Я не буду молчать, мама, я расскажу. Может быть, ты даже перестанешь закрывать глаза на правду и выдумывать для жизни мир, которого нет. С раннего детства я ненавидела свою фамилию Акулова, поменяла ее на дедушкину, как только мне исполнилось 16 лет. Дедушка ведь совсем молодым погиб в концлагере. Кто-то должен был носить его фамилию.

Маленькой мне даже снилось по ночам, что я плыву в море, а огромная акула пытается догнать меня. Я уже видела ее пасть с острыми зубами, потом просыпалась и плакала до самого утра.

Твоему мужу, моему так называемому «отцу», я очень мешала. Не знаю, почему ты этого не замечала. Да, наверное, ему нужна была только ты, а я была лишней в вашей семейной идиллии. Если, конечно, можно назвать идиллией то, что ты работала с утра до позднего вечера, а он сидел дома под предлогом, что меня нельзя в садик отдавать. Вот он мне и устраивал «садик». У меня глотка свежего воздуха неделями не было. Он запирал меня в детской, чтобы не мешала, и включал громко музыку — расслаблялся. И так целый день. Мог даже не спросить, хочу ли я есть. Ты

приходила поздно, уже не до прогулок было.

Знаешь мама, иногда ужин, который ты вечером готовила, был моей единственной едой за день. Впрочем, нет, однажды он мне утром принес чай с бутербродом. Хорошо, что я перед этим шла в ванную и увидела, как он что-то капает из пузырька в этот чай. С тех пор я к еде до твоего прихода больше никогда не дотрагивалась. Я плакала, старалась избегать его. Что я могла сделать? Я была маленькой девочкой, мама. Я, конечно, благодарна тебе за то, что ты ушла от него. Все остальные твои мужья были просто ангелами по сравнению с ним. Но как ты ухитрялась выбирать таких ничтожных мужчин, чтобы годами «тащить их на себе»? Тебе надо было их жалеть, оберегать, быть для них «плечом». Мама! Я же в это время росла, взрослела. Ты ничего не замечала.

Акулов приезжал однажды, чтобы помириться, пытался заговорить со мной, что-то объяснить. Я заперлась в комнате, примирения не получилось. Он мне бросил: «Ты еще мне заплатишь алименты, Аркадиевна». Я тогда подумала, что как-то странно он меня назвал.

Я помню, хорошо помню наш приезд к папе в Израиль. За всю жизнь у меня не было более

счастливого дня. Папа гулял со мной, катал меня в парке на разных каруселях. Папины руки, его глаза смеющиеся, игрушки — у меня никогда не было раньше таких игрушек. Он купил мне белую шубку. Белую! Ни у кого, ни в школе, ни во дворе нашем, не было такой красивой шубки. Я до сих пор ее храню. И Циля была ко мне добра. Я ей просто в рот смотрела, каждое ее слово ловила — так она мне нравилась. Только Адочка невзлюбила меня с первого дня. Она и сейчас не хочет со мной общаться. Я знаю, что папа сильно болеет. Звоню им часто. Трубку всегда берет Ада, разговаривает со мной холодно, папу к телефону не зовет, отвечает мне, что он отдыхает.

Мама, почему ты так смотришь на меня? Ты все эти годы думала, что я не знаю, кто мой настоящий отец?

Письмо

— Мама, ты прочитала, что здесь напечатано?

— Очки, сейчас найду очки.

— Не ищи. Я прочту тебе. Это письмо из нашего районного суда. Посмотри, вот обратный адрес на конверте. А теперь слушай: «Суд вызывает Бергман Элину Михайловну в качестве ответчика для рассмотрения искового заявления о взыскании

алиментов на содержание родителя Акулова
Михаила Ивановича...»

Я все равно буду хирургом

Ольга

Я просто лежала и смотрела в потолок. Я лежу давно после аварии, которая внесла ясность в мою жизнь. Наверное, это странно, что авария внесла ясность. Но сейчас мне спокойно. Я уже не ссорюсь с мужем, жаль его — он думает, что виноват, потому что уступил мне руль на той трассе с участками ледяной корки. Муж теперь больше молчит, когда со мной рядом. Он даже ничего не сказал, когда я попросила поставить в комнату свой письменный стол, оставшийся от родительского мебельного гарнитура. Этот стол, сплошь обклеенный переводными картинками, раньше его сильно раздражал. Он не понимал, зачем понадобилось в новый дом тащить «монстра» с облезшей полировкой. А я любила «монстра», и все переводные картинки на ящиках были частью моей жизни, той жизни, другой. Сейчас я уже не думаю о своем диагнозе «хроническое бесплодие». Мне не нужно сотый раз консультироваться с очередным светилом и проходить бесконечные обследования.

Мне 38 лет, и мне не нужно ничего. Если бы не глаза мамы, я бы, наверное, просто придумала что-нибудь, чтобы уйти тихо из этой жизни. Мне не хочется бороться, я вообще не герой. Врач говорит, что это депрессия. Мне кажется, он ничего не знает о депрессии.

* * *

Муж присел на край кровати со словами: «У меня есть хорошая новость».

— Если ты нашел очередного реабилитога, то не надо, я не хочу. Сколько уже их сменилось за год. Это бессмысленно. Дай мне покой.

— Нет, другое. Я рассылал твои документы по клиникам в разные страны. От многих получал отказ. А сегодня пришел ответ из Израиля. Тебя берут на лечение, нас ждут в медицинском центре.

— Там волшебники? Они склеят мой раздробленный позвоночник? — я злилась.

— Мы вылетаем в Тель-Авив послезавтра. Это не обсуждается. Я уже купил билеты, заказал специальный автомобиль до аэропорта и сопровождение. И пожалуйста, пожалуйста, оставь этот тон.

Я отвернулась к стене. У меня больше не было

сил что-то возражать.

Яков

Я спросил ее: «Почему вы так упорно говорите со мной по-английски?» Она продолжала отвечать на английском: «Если вам так проще, доктор, могу перейти на русский». Я сказал ей, что мне все равно. У меня были разные пациенты, но эта девушка казалась очень странной. Позже я понял, что английский — чтобы держать дистанцию, не вести разговоров «о жизни», а еще лучше — вообще не вести никаких разговоров ни с кем. Я начал ей объяснять, как будет проходить операция, но она прервала меня:

— Не надо, доктор.

— Я обязан вам всё рассказать.

— Как хотите.

— Приглашу к вам психолога.

Она улыбнулась впервые за все время: «Меня зовут Ольга. Вы хороший человек, доктор».

На русский мы перешли гораздо позже, когда прошло время после операции и Ольга, с поддержкой, но уже могла стоять буквально несколько секунд. У меня сложилось впечатление, что мы оба занимаемся изучением: я — ее

рентгеновских снимков; она — меня. По крайней мере, раньше никто из пациентов не задавал мне таких вопросов: «Почему вы стали хирургом? Почему? Зачем вам чужие страдания?» Странная девушка, право, странная.

Почему я стал хирургом? Что я мог ей сказать?

О том, что буду хирургом, я знал с яслей. Папа приходил поздно, от него пахло больницей. Сразу возле двери он брал меня на руки, я обнимал его за шею, и мы вместе заходили в комнату. Ужинал он чаще всего, молча. Уставал очень. Иногда засыпал от усталости прямо в кресле, а я садился рядом на ковер и прижимался щекой к папиной руке. Его ладонь была большой, жесткой, с длинными аристократическими пальцами. Уже потом, намного позже, когда его не стало, я понял, что он был не просто хирургом — он был Мастером, виртуозом.

— Неужели такой врач, как ты, не заслужил отдельной квартиры? Наш Яшенька так и вырастет в коммуналке, — мягко выговаривала ему мама.

— Все будет, потерпи, — отвечал папа, — у нас же целых две комнаты. Посмотри, как люди живут, ютятся большими семьями в одной. Да у нас просто царские условия.

— Царские условия? Это мы, наверное, как

цари стоим в очереди в общий туалет — каждый со своим кругом для унитаза?

Папа морщился. Он не выносил таких разговоров.

Я учился в седьмом классе, когда папа провел свою последнюю операцию. Он оперировал 80-летнего мужчину, вшил ему электрический стимулятор. В те времена это была сложная хирургия. Пациент прожил еще долго. Папа спас его сердце и не уберег своё. Тот последний пациент приходил на его похороны. Я помню, как папин друг сказал: «Знаете, почему он ушел так рано? Потому что каждую операцию пропускал через свое сердце».

С восьмого класса я уже работал санитаром в хирургическом отделении. Никто не делал никаких скидок на мой юный возраст. А еще через два года меня не приняли в мединститут. Тогда, в 1972-м, «тройка» по химии, любимому предмету, решила мою судьбу. «Вы же медалист, попробуйте сдавать дальше на общих основаниях», — сказал экзаменатор, отводя глаза. Я хотел спросить, где он нашел ошибку в моих ответах, но передумал. Я знал, что ошибок не было. Сдавать «на общих основаниях» при конкурсе 10 человек на место и с

первой «тройкой» было бессмысленно. Утром я уже таскал носилки и мыл полы в больнице; теперь я работал каждый день до позднего вечера. Через год летом история с поступлением повторилась. Я помню свои чувства так, как будто это было вчера. Помню, как отчаяние сменилось злобой, как разбивал я в кровь кулаки о стену, как искусал губы, чтобы не кричать. Помню, как схватил первый попавшийся под руку листок бумаги, написал на нем большими буквами «Я ВСЕ РАВНО БУДУ ХИРУРГОМ! 1973 год» и спрятал его куда-то в нижний ящик стола.

Я помню всё — и как подошла мама и гладила меня как маленького по голове, и как она сказала: «Ты будешь врачом, Яшенька. У нас есть разрешение на выезд в Израиль, нам помог один папин пациент, которого он когда-то спас. Скоро мы с тобой летим в Вену, а оттуда — в Тель-Авив. Я в тебя верю, родной. Все у нас будет хорошо».

— А как же Верочка? — спросил я. — Я не могу улететь без нее.

Мама молчала. Я знал, что Верочка ей не нравится. Эта девушка была нашей соседкой по коммуналке и моей первой настоящей любовью. Верочка была старше меня на два года. С мамой,

отчимом и двумя младшими братьями они жили в комнате напротив нас.

* * *

— Верочка, — говорил я, — мы скоро уедем с мамой, далеко уедем, навсегда.

— Тоже мне, новость. Разве у нас что-то скроешь? Все уже знают, что вы чемоданы складываете. Мои только и ждут. Отчим договорился, что мы комнаты займем после вашего отъезда, расширимся, наконец.

— Я не об этом. Я не могу без тебя. Давай поженимся, Верочка.

— Какой же ты дурачок, — Верочка вдруг наклонилась ко мне близко-близко и поцеловала меня в губы.

Я летел в небо. Не знаю, сколько прошло времени, когда я услышал, как Верочка сказала: «Я пойду уже. Включи свет, мне нужно одеться».

— Не уходи.

— Скоро придет твоя мама.

— Теперь ты выйдешь за меня замуж?

— Не обижайся, Яшенька, не могу. У меня есть жених.

— Жених? Какой жених? — мне казалось, что я падал с небес и разбивался на кусочки.

— Обыкновенный... как у всех.

— Скажи, скажи! Что в нем есть такого, чего нет во мне? Почему?

— Он не еврей.

Ольга

Я смотрела на молодую женщину в белом халате, смотрела в упор и не могла разглядеть ее лица. Хотела поймать ее взгляд и боялась ее глаз. Хотела услышать, что она скажет, и боялась ее слов. Я четко видела только васильки, вышитые на воротничке ее белого халата. «Ва-силь-ки», — стучало у меня в голове. Она что-то сказала. Я не расслышала. Наверное, у меня был странный вид. Она повторила. Я сжала свою голову двумя руками: «Ва-силь-ки». Она дала мне воды и села напротив. Я увидела, что ее глаза такого же цвета, как вышитые васильки.

И тут я услышала. Услышала! «Будем рожать, — говорила мне доктор. — Всё у нас с вами получится. Шесть недель, плод развивается нормально. Наблюдаемся, наблюдаемся, наблюдаемся». Я плакала, потом смеялась, потом снова плакала и снова смеялась. Эта девочка, эта молодая доктор, несколько лет, как после интернатуры, не сказала мне, как другие, что я

сумасшедшая и что после такой травмы и операции в 40 лет мне нужно думать только о здоровье, а не о детях. Она не выписала мне никаких убийственных направлений, не посмотрела на меня сочувственно. Она смеялась и плакала вместе со мной: «Будем рожать!»

«Будем рожать!» — муж носился по комнате как ребенок. У меня уже кружилась голова от его беготни. Он остановился только на минуту, чтобы спросить: «А зачем ты всё выбрасываешь из своего любимого стола?»

— Он будет в этих ящиках хранить свои рисунки. Он ведь будет рисовать? Да?

— Она! Я хочу девочку.

— Нужно позвонить доктору Якову.

— Я ревную, — улыбался муж, — ты только о нем и говоришь.

— Знаешь, наш доктор — удивительный человек. Он рассказал мне о себе. Трудно поверить, его в 70-х не приняли в мединститут, такой талант. Он...

— Ты имя придумала?

— Если сын, назовем Яковым, — я отвечала мужу, продолжая освобождать стол от старых бумаг.

Со дна ящика я выбросила последний листок.

Листок покружился и упал мне ноги.

Яков

Сначала Ольга прилетала на обследование точно по плану. А потом исчезла на два года, только звонила, говорила, что проходит обследования на месте и что у нее всё хорошо. А теперь вот буквально на голову свалилась, прилетела в операционный день, не позвонила предварительно. Пришлось ей шесть часов меня ждать до позднего вечера. И первый вопрос после приветствий: «Доктор, а мне каблуки уже можно носить?» Странные все-таки существа эти женщины. Я посмотрел свое расписание, постарался ответить как можно мягче:

— Вопрос каблуков чуть позже обсудим. Жду вас завтра на осмотр к 10 утра.

Хотел уже попрощаться, тяжелый день был, но что-то во взгляде Ольги меня остановило. Она светилась вся. Достала из сумочки и показала мне несколько своих фото... с малышом на руках.

— Мой сыночек, Яковом назвали. Вы меня простите, что я о каблуках сразу, растерялась просто, не знала, как сказать.

Теперь уже я не знал, что сказать. Это было неожиданно и радостно. Усталость вдруг прошла. Я был счастлив ее счастьем.

А Ольга говорила, говорила:

— Вы самый лучший врач в мире, вы талант, всё благодаря вам, я...

— Оленька, спасибо, не стоит. Я от души вас поздравляю, рад за вас, очень рад.

— Яков Львович, мне нужно что-то важное вас спросить. Только вы не удивляйтесь, пожалуйста.

— Да спрашивайте всё, что хотите.

— Помните, вы мне рассказывали, как вас в институт не приняли?

— Помню, конечно. Я тогда даже записку сам себе сгоряча написал и в столе спрятал.

— Ольга что-то положила передо мной, какую-то бумагу, и спросила: «Эту?»

Я посмотрел на пожелтевший листок. На нем было написано «Я ВСЕ РАВНО БУДУ ХИРУРГОМ! 1973 год».

В синем шарфе переливаются серебряные нити

Перед Субботой

До Шаббата оставалось совсем немного времени. Я гуляла одна по городу. Когда-то этот город влюбил меня в себя сразу и навсегда. Он

просто жил своей жизнью — работал, растил детей, встречал Субботы, отмечал праздники, — а я влюблялась.

Здесь с гор дуют пряные ветры. Здесь, кроме иврита, можно услышать английский, французский, русский, идиш и даже латино. Здесь выходцы из разных общин носят в праздничные дни традиционную одежду. Здесь дети правят бал. Здесь двигаются с черепашьей скоростью машины, потому что в любой момент из-за угла может выскочить полновластный хозяин территории — ребенок. Город кого-то привлекает — кого-то отталкивает; он может быть гостеприимным и чужим одновременно, будничным и сказочным. Одни не принимают его, другие — считают раем на Земле. Он забрал и мое сердце.

Я мела длинной юбкой асфальт, наблюдая за предшаббатней суетой на улицах. Долгожданный покой все не приходил. Мысли возвращались к маленькому барельефу — женскому лицу, высеченному из камня. Я увидела барельеф в музее несколько дней назад, долго не могла отойти от него, смотрела и смотрела на это лицо как зачарованная. Прочитала надпись — приблизительно 1-й век н. э. Вот уже несколько дней находка археологов периодически вставала

перед глазами, вызывая смутную печаль, которую понять я не могла.

Вечер близился. Уже светились фонари, опережая наступление темноты. Я зашла в ближайшую синагогу, чтобы зажечь свечи. Прочитала благословление и снова вышла на воздух. Гудок прервал мои раздумья — Шаббат. Я присела на скамейку, посмотрела вдаль — Иерусалимские горы виднелись в сумеречной дымке.

Иерусалим. 1-й век н. э.

Темноволосый загорелый мальчик лет двенадцати быстро вбежал в дом по камням, служившим ступенями.

— Мама, у нас для тебя подарок. Вот, отец сделал, — протянул он ладошку женщине, державшей на руках младенца.

На детской ладони белел какой-то предмет. Женщина поднесла палец к губам, покачала малыша и, убедившись, что тот уснул, положила ребенка на маленький матрасик, закрытый с трех сторон высокими деревянными перегородками. Она взяла из рук сына небольшую каменную пластину, внимательно рассмотрела ее и радостно улыбнулась — узнала свое лицо, ожившее в серо-белом

мраморе.

— Похоже, спасибо!

— Похоже, похоже, красивая, — затараторил мальчик.

— Отец говорил, когда вернется? Он должен сегодня закончить амфору для римлянина. Сборщик податей придет за ней после захода солнца, — перебила женщина сына.

— Амфора готова, ее принесут. Отец сказал, чтобы ты прочитала это, когда спросишь о нем, — из складок одежды мальчик вытащил дощечку, передал ее маме.

Женщина прочла выцарапанные на черном воске слова: «Кроме власти Б-га, нет другой власти. Будь проклят Рим. Освободим Эрец-Исраэль от язычников. Ухожу в отряд к зелотам. Береги детей». Женщина пошатнулась, прислонилась к стене, чтобы не упасть. Некоторое время стояла так, глядя перед собой сухими, янтарного цвета глазами. Потом сказала сыну: «Присмотри за сестрой, я скоро приду».

Во дворе она села на свое любимое место между вылезшими из земли корнями старого платана, стерла текст с дощечки, прислонила ладони к глазам, прогоняя слезы. Вошла в дом —

сын спал возле кровати сестры, свернувшись калачиком на циновке и прижимая к себе мамин портрет. Женщина повернулась в сторону Храма — она молилась.

Отражение в зеркале

Еще немного полюбовавшись видом, я вернулась в синагогу, присела в женском зале за занавеской. Потянулась за молитвенником, да так и застыла, повернув голову к своей соседке. Засмотрелась на ее профиль с тонкими чертами, буквально светящейся кожей шоколадного цвета и ярким, красиво повязанным платком, закрывающим волосы. Подумала: «Настоящая царица!».

«Царица», почувствовав взгляд, улыбнулась мне. В синем шелке платка поблескивали серебристые нити, я не могла оторвать глаз от склоненной над книгой головки. Теперь мне не давал покоя вопрос, как же завязывается платок, как выкладываются эти витые жгуты вокруг лица. Просила у Б-га прощения за то, что отвлекаюсь от молитвы на такие женские мелочи. Не знаю, услышал ли Всевышний мои просьбы, но из синагоги мы с темнокожей красавицей вышли вместе как старые добрые знакомые. Я спросила о платке.

Мы прошли в затемненное место, где никого, кроме нас, не было. «Царица», оглядевшись вокруг еще раз, сняла головной убор, развернув его в широкий шарф. Длинные волосы черным шелком упали на ее плечи. Несколько раз она сложила особым образом ткань, показывая мне, как правильно повязать платок.

— Хочешь примерить?

— Хочу ли я?! Да!

Через минуту сине-серебристый платок был уже на моей голове. Эйдель, так звали красавицу, одобрительно кивнула и сказала, чтобы я не снимала, что это подарок.

— Спасибо! — я растерялась, — А как же ты?

— Вот так, — Эйдель сняла с плеч тоненькую накидку и быстро повязала ее на голову, снова закрыв свои роскошные волосы. — Мне пора, муж ждет.

Уходя, она несколько раз оборачивалась, чтобы помахать на прощание. Тоненькая фигурка растаяла в темноте, и в какую-то минуту мне показалось, что все происходящее было сном. Дотронулась до своей головы, рука скользнула по гладкому шелку, по витым тканевым жгутам — нет, не приснилось. Шла домой, не снимая с головы

неожиданного подарка и ощущая, как меняется моя походка, как становлюсь выше и стройнее.

Я открыла дверь, все еще размышляя о чарах Шаббата. Включила свет и... застыла перед большим зеркалом в прихожей. На какое-то время я превратилась в соляной столб. Стояла долго, постепенно начиная понимать, почему не давал мне покоя древний барельеф из музея — женское лицо, увековеченное мастером в мраморе.

Кто она? Чьи черты унаследовала я почти через две тысячи лет? В какой стране жили ее потомки после разрушения Храма? Куда они ушли? Нет ответа. Лишь в легком синем шарфе переливаются серебряные нити.

Всевышний шутит

Дедушка с характером

Ализа еще раз обернулась к зеркалу. Платье кораллового цвета сидело безукоризненно. Длинные серебряные серьги с сапфирами, подарок дочки, подчеркивали стройную шею. «Смотри, не затми невесту», — шутила подруга, когда они вместе выбирали для Ализы платье на свадьбу

дочери.

— Разве ее затмишь, мою красавицу, — Ализа улыбнулась своему отражению. — Кажется, все идет хорошо, удалась свадьба. Дети счастливы, гости довольны.

Она вернулась к гостям, помахала Майе, которая танцевала с женихом в центре зала. Дочь ответила ей воздушным поцелуем. «Б-же, береги детей, пусть их жизнь будет светлой», — мысленно молилась Ализа, любуясь молодыми. Посмотрела в ту сторону, где за столом сидели родители зятя. Отец Олега приветственно поднял бокал. Она кивнула в ответ, встретилась с ним взглядом. «Уже можно не беспокоиться, волнения позади», — читала в его глазах. Но почти неосознанное чувство тревоги не покидало ее.

На время смолкла музыка. Майя и Олег подбежали к их столику. «Папа, сейчас вальс будет, ты мне должен танец», — Майя взяла отца за руку. Через минуту они закружились под аплодисменты. Олег стоял рядом. Ализа решила спросить:

— Олег, недавно в зал зашел мужчина, сел возле твоих родителей. Я обратила внимание, что он грустный какой-то, ни с кем не беседует, и

тарелка пустая, и бокал. Кто это? Ваш родственник? У него что-то случилось? Может, поговорить с ним? Свадьба все-таки, веселиться надо.

— Не переживайте, это мой дедушка. У него характер тяжелый. Еще успеете познакомиться.

— Дедушка?! Олег, так нехорошо. Ему нужно сейчас же дать слово. Я скажу ведущему. На свадьбе дедушка — замечательно! Что же ты молчал? Он же у нас единственный, ведь у Майи уже нет ни бабушки, ни дедушки.

— Не нужно. Никаких речей от деда не дождемся. Спасибо, что заглянул к нам. Думал, не придет.

— Что происходит? Дедушка не рад вашей свадьбе? Ему не нравится Майя? Но они даже не знакомы. Майя никогда о нем не рассказывала.

— Да все в порядке. Я же Вам говорил — характер. Он часто сам себе не рад. Пусть посидит немного, привыкнет к обстановке. Закончится танец, мы с Майей к нему подойдем.

— Боюсь, не успеете.

Ализа увидела, как дедушка Олега быстро пошел к выходу. Звук хлопнувшей двери даже музыка не заглушила. Ализа вздрогнула.

— Я так не могу, догоню, поговорю с твоим дедушкой. Он же у нас дорогой гость.

Не ожидая ответа Олега, она почти выбежала из зала в коридор.

— Подождите. Пожалуйста, подождите, — попросила уходящего мужчину.

Мужчина обернулся. Ализа замерла. Она узнала его. «Алюминиевые глаза», — всплыло в памяти. Давние события вспомнились мгновенно, как будто это было вчера.

25 лет назад

Ализа, молодой специалист, выпускница физического факультета, стояла в кабинете начальника отдела кадров и, плохо понимая происходящее, слушала, что тот говорил. Она прибыла по распределению на крупный химический комбинат. Там начинали монтаж электронного микроскопа, и Ализа должна была на нем работать, проводить исследования. По крайней мере, так ей объяснили в университете.

— Имя, фамилия, — не поздоровавшись и не поднимая головы, тихо сказал сидящий за столом мужчина в черном костюме и белой рубашке с темным галстуком.

Он не отрывал глаз от каких-то документов, Ализа видела только его коротко стриженные волосы. Она назвала свое имя, не дождавшись приглашения, присела на край стула. Мужчина в черном костюме заговорил, продолжая изучать лежащие перед ним бумаги.

— Где вы эти имена иностранные берете? Столько прекрасных русских имен есть, так нет же... Давайте паспорт.

Ализа решила не объяснять, что имя она «нигде не брала», что ей, как и всем людям, его дали родители, что это имя ее бабушки. Молча, положила перед любителем «прекрасных русских имен» свой паспорт. Начальник отдела кадров открыл документ и, наконец, поднял голову. Ализа никогда еще не видела таких глаз. Их очень светлый серый оттенок напомнил ей цвет какого-то металла. «Алюминий», — вспомнила девушка. Алюминиевые глаза смотрели на нее неподвижно.

— Ализа... как вас там... Пинхусовна, нет у нас инженерных вакансий. Ничем не могу помочь.

— Но у меня распределение. Электронный микроскоп...

— Вы слышали, что я сказал? Вакансий нет.

— Что же мне делать?

— Делайте, что хотите.

— Мне нужна работа.

— Могу предложить лаборантом, есть место.
Решайте быстро.

— Я согласна.

Ализа закрыла за собой дверь кабинета, прислонилась к стене, душили слезы. Из-за двери было слышно, как человек с алюминиевыми глазами с кем-то разговаривал по телефону.

— Ты кого мне прислал? Я не позволю на важном государственном объекте еврейский кагал разводиться. Что? Нужно работать на микроскопе? Тебе нужно, ты и решай проблему. Нет, я сказал — нет.

Всевышний шутит

Дедушка Олега смотрел на Ализу с любопытством. Он, конечно, ее не узнал. Ализа молчала. Вспоминала, как она, окончившая физфак с красным дипломом, готовила растворы, мыла пробирки, таскала тяжелые бутылки, а по вечерам пыталась лечить обожженные кислотой руки. Толку от мазей было мало, руки болели. Электронный микроскоп оставался несбыточной мечтой. Иногда Адина заглядывала в комнату, где одиноко стояло уже смонтированное чудо техники. Через год ей помог случай. Ждали серьезную комиссию. Срочно понадобилось исследовать очень важный

катализатор. Ализа получила новую должность вопреки воле человека с алюминиевыми глазами. Он ей этого не простил. Еще через полгода после серии выговоров за «безответственное отношение к работе и халатность» ей пришлось уволиться с комбината.

«А теперь у этого ненавистника евреев любимый внук женился на еврейке. Пошутил, однако, Всевышний. Так вот, откуда «тяжелый характер». Чему ж радоваться? Сочувствовать можно», — с сарказмом думала Ализа о новоиспеченном родственнике.

— Что вы от меня хотите? — резкий голос вывел ее из оцепенения.

Она посмотрела прямо в алюминиевые глаза.

— От вас? Ничего!

Ализа быстро уходила, постукивая каблучками по мраморному полу.

Один звонок

После свадьбы в семье о дедушке никто не вспоминал. Внука с женой он в гости не приглашал. Олег о нем не говорил, Ализа ничего не спрашивала. На семейных торжествах дедушки

никогда не было. Если кто-то из знакомых интересовался им, родители Олега старались увести разговор в сторону. «Неважно себя чувствует», — звучал стандартный ответ. Так прошло два года.

Олег очень удивился, когда Ализа попросила у него телефон деда.

— Записывайте. Но вы же помните...

— Да, да, тяжелый характер, я помню. Он знает?

— Нет, он меня видеть не хочет. Устал я от него.

Поздно вечером Ализа набрала номер человека с алюминиевыми глазами.

— Слушаю.

Голос она узнала сразу, заговорила медленно, выделяя каждое слово.

— Завтра ваш внук с женой и вашим правнуком улетают в Израиль.

На другом конце провода молчание было долгим. Ализа тоже молчала. Потом услышала: «В гости?»

— Нет, на ПМЖ, навсегда.

Не дожидаясь ответа, положила трубку.

Женские правды

Белла

Сейчас уже боль не сжигает меня изнутри, только покалывает изредка тонкой иголочкой в сердце. Моя история теперь не кажется мне ни банальной, ни нелепой. Я могу рассказывать о своей жизни спокойно — так, как будто читаю книгу о чужой судьбе.

Начну, пожалуй, с детства. Сразу разочарую всех, причастных к психоанализу, — оно у меня было счастливым, очень счастливым, без травм и потрясений. Я росла в любви. Мама, папа, бабушка, друзья родителей, мои друзья, музыкальная школа, спортивные секции — в общем, полный набор для девочки из благополучной семьи. У нас была просторная квартира в центре города, а бабушка жила отдельно, в своем доме, всего лишь за квартал от нас.

Этот дом для меня был лучшим местом на Земле. Он находился на небольшом участке, где частные постройки с фруктовыми садами, зарослями бульденежа и сирени создавали иллюзию дачного быта. С середины весны и часто до конца сентября под старой липой стоял овальный дубовый стол, за которым бабушка собирала нас на семейные обеды. Собственно, эти застолья были не

совсем семейные: почти всегда у нас гостили по выходным друзья родителей или моя подруга Леночка. С Леночкой мы вместе учились и поверяли друг другу свои нехитрые девичьи тайны все школьные годы. Расставаться нам не хотелось. Так уж повелось, что почти каждый день после уроков мы шли ко мне, вместе готовили домашние задания, вместе ужинали. Лена уходила от нас поздно. Она жила через дорогу, но я никогда не была у нее дома. Она не приглашала к себе, а меня это совсем не беспокоило. Маму ее я видела всего несколько раз. Помню, что она мне не очень понравилась, но я об этом быстро забыла, не придав своим впечатлениям никакого значения. Мы обе были отличницами, лучшими в классе.

Окончание школы пришлось на 90-е годы. Родители мои решили не рисковать, и я сразу сдала документы на платное отделение университета. Поступила на факультет кибернетики. Лена мечтала попасть на юридический — не прошла. И золотая медаль не помогла. Конкурс на бюджетное отделение был огромный. Лену «срезали» на первом же экзамене. Плакали мы вместе — так, плачущими, и заявили к нам домой. «Ничего, — сказал мой папа, — на следующий год поступишь обязательно. А сейчас что-то будем думать». Он придумал — устроил Лену секретарем в офис к

своему приятелю. В начале августа Леночка уже вышла на работу, а я в сентябре пошла учиться.

Откуда на мою голову свалился Боря, я до сих пор точно не знаю. Он пришел к нам с каким-то поручением от бабушкиной приятельницы. Позже мы обсудили, что поручение, скорее всего, было выдуманным, и бабушка со своими подругами разработали хитрую комбинацию, чтобы «хорошую еврейскую девочку» познакомить с «хорошим еврейским мальчиком». Однако комбинация удалась, и мы с Борей влюбились друг в друга. Через год мы поженились. На свадьбе нас ждал неожиданный подарок. Бабушка объявила, что переезжает к родителям, а дом отдает нам. Так и сказала: «Живите, дети, в родовом гнезде. Мне уже одной там тяжело справляться, теперь буду к вам в гости приезжать». И вручила дарственную, оформленную на нас обоих. В общем, пустили нашу новоиспеченную семью в самостоятельное «плавание». Я была самой счастливой на свете. Борис очень скоро организовал ремонт дома, в саду реконструкцию затеял. На месте, где стоял дубовый стол, появилась беседка. Мне было жаль нашей старой обстановки, но я ничего не говорила мужу. Борис был старше, он лучше меня разбирался в хозяйственных вопросах. Я просто не заметила пролетевший год, летала, голову кружило от любви.

Еще как-то сессии умудрялась сдавать.

А потом были те слова, которые я не поняла. Тысячи женщин, наверное, слышали эти слова. Я не знаю, как они реагировали — может, плакали, может, кричали от горя. А я, я просто ничего не поняла. Переспросила, опять не поняла, опять переспросила:

— Ты... другую? Полюбил...? Ты... не здоров?

Я пошла за градусником, таблетками — для него, для Бориса, конечно. Потом маме позвонила, объяснила, что с мужем моим что-то неладное происходит, бредит, похоже. Мама приехала. Что было дальше, я плохо помню, потому что следующий месяц провела в больнице. Из больницы родители забрали меня к себе. А когда я, тайно от них, всё же решилась зайти в наш дом, то увидела во дворе Бориса, завтракающего в беседке с Леночкой. На Лене был мой пеньюар.

Я решение приняла в одно мгновение — записалась на консульскую проверку. Помню, как удивился консул. Наверное, не часто он такое видел — я ему документы принесла, начиная от своих прапрабабушек. Борису прислала письменное согласие на развод. Сын мой родился уже в